

М.Я. Блох
Е.Л. Фрейдина

**ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ
И ЕЕ ПРОСОДИЧЕСКИЙ
СТРОЙ**

**М.Я. Блох
Е.Л. Фрейдина**

**ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ
И ЕЕ ПРОСОДИЧЕСКИЙ СТРОЙ**

Монография

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2017

УДК 80
ББК 83.70
Б70

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д-р филол. наук, проф. *В. В. Ощепкова*;
д-р филол. наук, проф. *Г. М. Вишневская*

Блох М.Я., Фрейдина Е.Л.

Б70 Публичная речь и ее просодический строй [Электронный ресурс] : монография / М.Я. Блох, Е.Л. Фрейдина. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2017. — 235 с.

ISBN 978-5-9765-2934-2

Монография посвящена изучению современной британской публичной речи с позиций теории регуляции речевого общения и теории диктемного строя текста. Публичное выступление получает характеристику как важнейший тип дискурса, органически включенный в социокультурный контекст. Особое внимание авторов уделяется раскрытию роли просодии в выражении убеждающей составляющей смыслового содержания публичного выступления. Монография предназначена для ученых, занимающихся социокультурными проблемами языка, в том числе проблемами его жанрово-стилевой дифференциации. Книга может быть использована широким кругом лиц, интересующихся вопросами теоретической и прикладной риторики, прагматики текста, текстовой просодии, а также общими вопросами лингвокультурологии и этики речевого общения – аспирантами и докторантами, студентами старших курсов филологических отделений высших учебных заведений. Книга адресуется и тем читателям, которые хотят овладеть искусством публичного выступления.

УДК 80
ББК 83.70

ISBN 978-9765-2934-2

© Блох М.Я., Фрейдина Е.Л., 2017
© Издательство «ФЛИНТА», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Публичная речь как риторический дискурс	8
1.1. Публичная речь как объект теории и практики риторики	8
1.2. Этнос современной публичной речи	14
1.2.1. Образ и личность оратора	21
1.2.2. Оратор и аудитория. Публичная речь как двусторонняя коммуникация	29
1.3. Убеждение как ключевая функция риторики ..	43
1.3.1. Способы реализации убеждения в публичной речи	50
1.3.2. Аргументация как способ убеждения	54
1.4. Публичная речь как объект лингвистического исследования	60
Глава 2. Публичная речь как звучащий текст	68
3.1. Фонетическая составляющая публичной речи в классической и современной риторике	68
3.2. Риторический подход к изучению просодии текста	78
Глава 3. Современная британская академическая публичная речь	86
3.1. Жанровые и функционально-стилевые особенности академической публичной речи	86
3.1.1. Цели, задачи и функции академической публичной речи	91
3.1.2. Автор академической публичной речи	95
3.1.3. Портрет аудитории	98
3.1.4. Тема выступления	101
3.2. Факторы, определяющие стилизацию академической публичной речи	101

3.3. Структура академической публичной речи как средство убеждения	111
3.4. Композиция академической публичной речи . .	114
3.5. Риторическая ориентированность академической публичной речи	133
3.5.1. Персонализация: средства авторизации и индивидуальный стиль оратора	134
3.5.2. Средства адресации и диалогизации	144
3.6. Экспрессивный аспект академического публичного выступления	154
3.7. Юмор и ирония в современном британском риторическом дискурсе	162
Глава 4. «Просодический портрет» академической публичной речи	178
4.1. Просодическая составляющая дискурсивных стратегий оратора. Роль просодии в формировании референтного и метареферентного уровней звучащего текста	178
4.2. Просодическая организация акта аргументации	197
4.3. Просодические маркеры стилевой неоднородности академической публичной речи	200
4.4. Просодические контрасты в звучащем публичном монологе	209
4.5. Просодия как отражение индивидуального стиля оратора	214
4.6. Функции просодии в публичной речи	217
Заключение	220
Литература	225

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография посвящена изучению современной британской академической публичной речи – традиционного вида профессионального красноречия, дающего англоязычному человеку образцы национально укорененной культуры речевого общения.

Материалом для исследования послужили звучащие тексты академических публичных выступлений на гуманитарные темы, произнесенных преподавателями университетов Великобритании и записанных непосредственно с голоса по ходу выступления. Общее время проанализированного звучания текстов составило приблизительно 30 часов.

Публичная речь рассматривается в монографии с позиций теории диктемного строя текста [Блох М. Я. *Диктема в уровневой структуре языка*. ВЯ, 2000, № 4]. Применение диктемного подхода к анализу звучащего текста позволяет включить в сферу детального наблюдения сразу весь комплекс составных частей текста как материально-идеального знакового образования – то есть, с одной стороны, фонематико-интонационную оболочку текста, а с другой стороны, его структурно-семантические и жанрово-стилевые составляющие. При этом важно подчеркнуть, что изучение просодической составляющей текста в рамках его диктемного развертывания обуславливает возможность и необходимость обращения к контексту как фактору его просодико-семантического варьирования.

Вышеотмеченное комплексное изучение звучащего текста, при котором просодия со всей четкостью выступает как органическая часть его строевого состава, активно взаимодействующая с лексико-грамматической частью, позволяет создать целостное и максимально объективированное представление о глубинных процессах, определяющих движение текстовой интонации, и дать интегративную характеристику ее семантико-информационной роли.

Публичная речь, как известно, издревле являлась весьма престижной формой общения и предметом наблюдения и анализа. Этот анализ воплотился в замечательное учение о риторике – теорию ораторского красноречия. В наше время информационного взрыва теория риторики разделилась на два четко выделенных направления – соответственно, узкое и широкое. Предметом узкого направления остается ораторское красноречие, первоначальное учение о котором было провозглашено в глубокой древности. Предметом широкого направления – того, которое получило

модное название «неориторика», – стала убеждающая речь, и даже еще шире – убеждающее общение во всех своих формах и разновидностях, как языковых («лингвальных»), так и внеязыковых («экстралингвальных»), то есть ситуационно-кинестических, сопровождающих языковые.

Современные исследования, посвященные просодии риторического дискурса, интегрируют накопленные многочисленными наблюдениями над фонетической стороной рассматриваемой речевой последовательности, соотнося фонетические свойства этой важнейшей разновидности речи с ее знаково-смысловыми признаками.

Как для теоретической, так и для практической риторики особое значение имеет вычленение замысла говорящего и сопоставление с ним результата общения, реализуемого в сознании и поведении слушающего. Этот результат со всей очевидностью служит пробным камнем эффективности стратегии и тактики общения, устанавливаемых говорящим-оратором, для которого гипотетический результат общения воплощен в замысле, нацеленном на будущее. Предполагаемый результат, вместе с текущими реакциями слушающего (индивидуального или коллективного, то есть аудитории), служат мощными факторами регуляции речи говорящего-оратора [Блох М. Я. *Регуляция речевого общения и теория коммуникативного треугольника. В сб. Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. М., «Прометей», 2007*]. Таким образом, теоретико-риторический подход к процессу речевого общения дает возможность проследить сложный путь речеобразования от внутренней мысли к звучащему слову и показать участие просодии в реализации замысла говорящего-оратора. Просодия выступает в качестве носителя важнейших строевых значений и прежде всего – в качестве выделителя ремы высказывания, а в составе ремы – выделителя пика информативной перспективы [Блох М. Я. *Об информативной и семантической ценности языковых элементов. В сб. «Синтаксические исследования по английскому языку», вып. 2. МГПИ им. В. И. Ленина, М., 1971*]. Кроме того, просодия посредством сложных модуляций тона играет колоссальную роль в установлении доверительного контакта со слушающими, чем объективно способствует обеспечению эффективности риторического общения.

Природа убеждающей речи, особенно же публичной, ораторской речи, как никакой иной тип коммуникации требует для своего адекватного раскрытия неукоснительного учета фактора слушающего. Именно по отношению к убеждающей речи слушающий становится в какой-то степени партнером говорящего, как

бы его «теневым соавтором», поскольку аспект слушательской регуляции речи достигает здесь предельной значимости.

Теоретико-риторический подход к общению предполагает оценку творческого аспекта речевого акта. Публичная речь является социально и культурно обусловленной, ритуализованной формой общения, регламентированной правилами и предписаниями многовековой ораторской традиции. Вместе с тем публичная речь есть непременно «риторическое событие», требующее от говорящего (оратора) мобилизации имеющихся у него выразительных ресурсов и способности к мгновенному улавливанию настроения аудитории и должной реакции на его непредсказуемое изменение. Это обуславливает особое место теоретической риторики в ряду научных дисциплин. Классическая риторика заложила основы стилистики и лингвопрагматики. Современная риторика, инкорпорировавшая фундаментальные положения этих наук, тесно соприкасается с такими социальными дисциплинами, как психология и психолингвистика, семиотика, теория коммуникации и целый ряд других, близких к поименованным по разным аспектам предмета исследования. Авторы учитывают эти междисциплинарные связи и обращаются к соответствующим проблемам и понятиям по мере развития своих наблюдений. Авторы учитывают также величайшую важность теоретической риторики для укрепления и развития культуры речевого общения, столь необходимой людям в современную эпоху информационного взрыва и бурной демократизации общения по всему диапазону контактов – межличностных, межклассовых, межэтнических, межгосударственных, межконфессиональных, межкультурных. Отсюда – и важнейшее место теоретической риторики в подготовке преподавателей родного и иностранных языков и переводчиков.

Глава 1. ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

1.1. Публичная речь как объект теории и практики риторики

Публичная речь традиционно является главным объектом риторики. В античные времена ораторский монолог был мощным инструментом общественно-политического влияния, а обучение ораторскому искусству составляло важную часть образования. В британской и американской риторической традиции расцвет ораторского красноречия приходится на восемнадцатый и девятнадцатый века, когда риторическое мастерство считалось необходимым компонентом общественно-политической деятельности, а выдающиеся ораторы пользовались огромным авторитетом. В конце девятнадцатого и, особенно, в двадцатом веке с изменением экономических и социальных условий, с демократизацией общественного уклада изменились и представления об эффективной риторической коммуникации. Став более демократичной, ориентированной на слушателя, естественной, ораторская речь приобрела и другое название, она стала называться «публичной речью», именно этот термин используется в современной риторической теории и практике. Представляется, что смена терминов была обусловлена определенным понятийным сдвигом, отражающим содержательные и стиливые изменения этого вида риторического дискурса: в самом понятии «ораторская речь» (*oratory*) подчеркивается роль говорящего, оратора, в то время как понятие «публичная речь» (*public speech*) отражает ориентированность на публику, аудиторию.

Наиболее целостная парадигма знания о публичной речи содержится в риторике, в рамках которой, начиная с античных времен, описан весь цикл ее создания и разработаны необходимые для этого стратегии и техники. Для реализации цели публичного выступления, состоящей в убеждении, риторика предлагает оратору три вида риторических доказательств – этос, пафос и логос.

Безусловно, современная публичная речь во многом отличается от классической ораторской речи, как в риторическом, так и в языковом аспекте, отличается по тональности и по «фактуре» (термин Ю. В. Рождественского), однако она не утратила ни своего общественного значения, ни качественного уровня. Несмотря на появление новых информационных технологий и развитие

массовых коммуникаций, публичная речь, т.е. устное монологическое выступление одного человека перед группой людей, характеризующееся наличием замысла, структурно-композиционной и содержательной завершенностью, целенаправленностью и установкой на воздействие, остается одной из самых общественно значимых форм человеческого общения. Актуальным остается и изучение публичной речи с риторических и лингвистических позиций. Чем объясняется устойчивый интерес современных исследователей к столь традиционному виду речевого общения?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо остановиться на некоторых теоретических предпосылках, касающихся места риторики в системе гуманитарного знания, и определить научную сферу и предмет риторики. Как ни парадоксально, несмотря на то, что риторика является одной из древнейших научных дисциплин, эти проблемы остаются дискуссионными в настоящее время. По-видимому, это связано с тем, что новая риторика возникла не как прямое развитие классических традиций, а на основе их переосмысления с учетом идей, привнесенных из коммуникативной лингвистики, прагматики, дискурс-анализа, герменевтики, психолингвистики.

Спорным остается вопрос об определении предмета риторики. Большинство авторов согласны с тем, что следует разграничивать «широкий» и «узкий» смыслы термина «риторика». Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой риторика в узком смысле понимается как комплексная дисциплина, изучающая ораторское искусство, ораторскую речь (С. И. Гиндин, М. И. Панов), а в широком смысле объектом риторики являются любые формы воздействующей или убеждающей коммуникации (или «побудительный» дискурс в терминологии У. Эко). Некоторые авторы предлагают рассматривать риторику как составляющую наук об общении, изучающую законы эффективной коммуникации во всех ее проявлениях (О. Б. Сиротина, А. Лунсфорд, Ю. Коннор и др.). Поскольку в настоящей работе рассматривается публичная речь, которая является объектом риторики, как в узком, так и в широком понимании, оптимальным представляется следующее определение предмета риторики: «современная риторика – это теория и мастерство эффективной (целесообразной, воздействующей, гармонизирующей) речи» [Михальская, 1996: 34].

Принципиально важной особенностью риторических исследований является приоритетное значение «человеческого фактора». В риторике человек традиционно является ключевой фигурой научных построений: риторика изучает то, как человек исполь-

зует язык для создания речевого произведения, нового, уникального, не похожего на другие с тем, чтобы оказать воздействие на других людей. По мнению И. В. Пешкова, для «всех конкретно-исторических вариантов предмета риторики» инвариантом является следующая формулировка: «*Homo verbo agens* (говорящий человек) есть предмет риторики» [Пешков, 1998: 41]. А. А. Волков определяет риторику как «персоналистическую философию слова», подчеркивая, что она предоставляет огромные возможности для изучения человеческой личности [Волков, 2003: 21].

Антропоцентризм научной парадигмы отличает как современную риторику, так и лингвистику. Характеризуя основные тенденции современных лингвистических исследований, М. Пеше отмечает, что «лингвистика речи» (или «акта производства высказывания») («*enunciation*»), «языкового употребления», «речевого сообщения», «текста», «дискурса») продолжает традиции риторики: «здесь вновь активизируются некоторые идеи риторики и поэтики сквозь призму критики о лингвистическом примате коммуникации» [Пеше, 2002: 206]. Сближение системной лингвистики и риторики является сегодня общепризнанным фактом и связывается, прежде всего, с изучением речевой коммуникации и включением «человеческого фактора» в сферу научных исследований. «70–80 годы XX века – время активного возрождения риторической проблематики: глобальный поворот лингвистики к изучению речи обеспечил достаточно стабильное внимание филологов к риторике» [Пешков, 1998: 17]

Центральной темой лингвистических исследований этого направления становится «человек говорящий», что определяет сам подход к изучению языка. «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. Он знаменует, иными словами, тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [Кубрякова, 1995: 212]. Актуальность антропоцентрического направления подчеркивает французский лингвист Клод Ажеж: «В последней четверти XX века постепенно стало очевидным, что интерес к языку есть в то же время интерес к самому человеку, ибо важной характеристикой человека является то, как он использует язык. Говорящий субъект должен постоянно находиться в центре внимания лингвистов» [Ажеж,

2003: 225]. Как мы уже отмечали, особое внимание к человеку как «пользователю языка», характерное для современной лингвистики, является органическим развитием риторических идей.

Антропоцентрический подход к изучению публичной речи представляется весьма продуктивным, поскольку он позволяет выйти за пределы описательного исследования и объяснить особенности функционирования языковых средств в звучащем тексте в контексте взаимодействия участников риторической коммуникации. Антропоцентризм парадигмы исследования имеет следующие важные следствия: во-первых, «неизбежный интерес к пресуппозитивным факторам в речевой коммуникации» [Николаева, 2000: 17], что определяет значимость анализа социокультурного аспекта коммуникации, во-вторых, учет творческого характера риторического дискурса.

В целом, проблема поиска оптимального соотношения нормативного и творческого компонентов весьма актуальна для риторической теории и практики. Как известно, риторическая традиция предписывает определенные правила (канон) для каждого этапа создания текста (от изобретения до исполнения), причем само понятие «канон» подчеркивает наличие ритуала, которому необходимо следовать. Риторика как «инженерная филология» (А. А. Волков) содержит набор предписаний, регулирующих риторическое поведение оратора, в то же время каждое риторическое произведение является актом речевого творчества, уникальным и неповторимым «риторическим событием». Таким образом, возникает оппозиция таких категорий как традиция, ритуал, стереотип, канон, с одной стороны, и нарушение ритуала, отклонение от стереотипа, творчество, с другой стороны. Вопрос о разграничении и соотношении этих категорий применительно к риторическому дискурсу освещается во многих современных риторических концепциях.

Так, И. В. Пешков, развивая идеи М. Бахтина, выдвигает тезис о «кризисе ритуала» как главном принципе порождения речи. Согласно этой теории, ритуал как «обычное, традиционное, не нарушающее стандартных норм социума» поведение, «имеющее определенную традицией инвариант», противопоставляется «ответственному поступку» как отклонению от ритуала. «Всякое реальное поведение объективно «создает» события, вольно или невольно отклоняется от ритуала» [Пешков, 1998: 57].

Существует и другая точка зрения, согласно которой традиционный и творческий компоненты не следует противопоставлять (Ю. М. Лотман, У. Эко). Во-первых, любой текст опосредован традицией. «Она выступает всегда как система текстов, хранящихся

в памяти данной культуры, или субкультуры, или личности. Она всегда реализована как некоторый частный случай, рассматриваемый как прецедент, норма, правило» [Лотман, 2004: 210]. В то же время, реализуясь в условиях современности, каждый раз по-новому актуализуется в процессе взаимодействия между его создателем и адресатом и становится «живым генератором новых сообщений» [там же].

Эта концепция согласуется с пониманием стереотипа и канона в рамках современных когнитивных теорий. Не углубляясь в существующие дискуссии о разграничении категорий «стереотип» и «прецедентный феномен», «канон» и «эталон» (И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков), следует отметить, что публичная речь представляет собой стереотип речевого поведения и базируется на каноне, который является инвариантом этой деятельности и выполняет прескриптивную функцию. Характеризуя понятие «канон» в рамках сферы прецедентных феноменов и сравнивая его с «эталоном», В. В. Красных выделяет следующие его особенности: канон – это норма, в соответствии с которой осуществляется деятельность; в рамках канона возможно тиражирование, по нему строят, создают; он допускает творчество и представляет собой активно-деятельностное начало [Красных, 2002: 109]. Все указанные характеристики проявляются в публичной речи. Действительно, она создается в рамках активной риторической деятельности в соответствии с определенными нормами и «тиражируя» эти нормы, в каждой конкретной реализации несет творческое начало. Важно подчеркнуть, что творческий элемент не противополагается нормативному, а рассматривается как одна из составляющих канона.

По мнению Д. Б. Гудкова, «канон тесно связан с ритуалом, входящим к обряду, в основе которого, в свою очередь, лежит прецедент» [Гудков, 2003: 117]. В рамках этих рассуждений публичная речь представляет собой прецедентный феномен, хорошо известный всем представителям определенного лингво-культурного сообщества и постоянно воспроизводимый в их речевой деятельности.

Таким образом, публичная речь реализуется как диалектическое единство традиционного и нового, ритуала (регламентированного речевого поведения) и отклонения от ритуала, стереотипа и творчества.

В связи с этим возникает вопрос: чем должна заниматься риторика – изучением ритуальных, отработанных, проверенных многовековым опытом способов убеждения или выявлением и анализом различных форм «отклонения» от стереотипа? Оригинальный ответ на этот вопрос дает У. Эко, предложив-

ший разделять «утешительную» и «обогащающую» риторику. Первая выступает как «хранилище омертвевших и избыточных форм», «совокупность уже апробированных и принятых в обществе приемов убеждения». Такая риторика лишь создает «видимость движения» и «иллюзию новизны». «Обогащающая риторика» опирается на критическую переработку старых предпосылок, одновременно выдвигая новые. Это эвристическая риторика, которая «действительно созидает движение» [Эко, 2004: 130]. Предложенная У. Эко интерпретация функций риторики чрезвычайно важна для понимания сферы научных интересов современных риторических исследований. Особую актуальность в настоящее время приобретают научные разработки, выполненные в русле «обогащающей риторики», в которых рассматриваются не только стереотипные стратегии убеждающей коммуникации, но и ее модификации в различных социо-культурных условиях, а также творческий компонент риторического дискурса.

В настоящей работе применительно к публичной речи будут использоваться следующие понятия, высвечивающие различные аспекты этого сложного коммуникативного феномена: «риторическая деятельность», «риторическое произведение», «риторическое событие», «риторический дискурс», «риторический текст». Два последних понятия раскрываются в разделе 4 данной главы. Под риторической деятельностью понимается речевая деятельность, направленная на реализацию риторических целей оратора в ходе его взаимодействия с аудиторией. Риторическое произведение является продуктом риторической деятельности и характеризуется структурно-содержательной автономией и оригинальностью языкового воплощения замысла оратора. Понятие «риторическое событие» объединяет коммуникативно-деятельностный и текстовый аспекты публичной речи. Оно используется для обозначения того, что в фокусе рассмотрения находится не только продукт риторической деятельности, но и экстралингвистическая ситуация, в рамках которой порождается уникальное речевое произведение.

Публичная речь становится риторическим событием на стадии исполнения, когда происходит окончательная актуализация замысла автора в процессе его взаимодействия со слушателями. Очевидно, что изучение публичной речи с позиций риторики и лингвистики предполагает включение в сферу научного анализа социо-культурного контекста дискурса.

В риторике эти факторы традиционно связываются с категорией «этнос».

1.2. Этос современной публичной речи

Одна из причин долголетия и «живучести» риторики заключается в том, что на протяжении всей ее многовековой истории она строила свою научную парадигму на основе включения языковых явлений в широкий социально-культурный контекст. Задолго до появления психологии и социологии риторика постулировала необходимость знаний о социальных условиях, в которых происходит коммуникация, и о сложнейшей природе человеческого сознания. Риторическая теория и практика публичной речи предлагают пути оптимизации взаимодействия оратора и аудитории с опорой на определенные представления о человеческой психологии и общественных отношениях. Предполагается, что анализ экстралингвистических факторов позволяет оратору строить свою речь таким образом, который был бы наиболее приемлемым для данной аудитории в данной ситуации.

В риторике социо-культурный контекст дискурса рассматривается в рамках категории «этос». В древнегреческой философии этос (обычай, нрав, характер) понимали как совокупность стабильных черт индивидуального характера, определяющих особенности жизнедеятельности человека. Эта идея легла в основу этики как науки о нормах человеческого поведения. В античной риторике этос связывали с проявлениями личности оратора в стиле речи. Античный ритор Лисий прославился как мастер «этопеи», изображения характера человека через особенности его речи.

Эта концепция этоса получила дальнейшее развитие в классических риторических системах. Аристотель связывал этос с моральными качествами оратора, на основании которых формируется доверие слушателей к нему и к его речи. Квинтилиан рассматривал этос в непосредственной связи с пафосом, постулируя необходимость для оратора ощущать и разделять эмоциональный настрой аудитории, поскольку красноречие оратора основано на совместном переживании эмоций. Цицерон уделял особое внимание уместности речи как по отношению к личности говорящего, так и по отношению к особенностям аудитории. Христианские доктрины подчеркивали религиозный аспект этоса, его божественную сущность (Св.Августин).

Различные подходы к пониманию этоса в наиболее обобщенном виде представлены в следующем определении – «характер, отраженный в языке» («character as it emerges in language») [Sloane, 2001: 263]. В современной риторике «характер» трактуется расширительно и включает не только индивидуальные особенности оратора, но и социо-культурные нормы, определяющие

характер его риторической деятельности и воплощенные в языке риторического произведения. Важно подчеркнуть два аспекта этоса: во-первых, этос выступает как нормативно-регулятивный фактор, во-вторых, он формируется в рамках определенного общественно-исторического уклада.

Современное понимание содержания этоса отражает глубинные системные изменения в риторической теории, произошедшие в XX веке и явившиеся результатом целого ряда социально-политических сдвигов и развития гуманитарного знания. Центральной темой риторических исследований становятся вопросы, связанные не с производством речи, а с ее восприятием и интерпретацией, а смысловое ядро риторики составляют такие понятия, как «общение», «сотрудничество», «диалог», «взаимопонимание». Перемещение фокуса с создателя текста на его получателя, или потребителя («consumer of discourse» в терминологии американских авторов), естественным образом отразилось и на интерпретации этоса, который стали связывать в первую очередь со слушателем, аудиторией.

Присутствие «другого», не автора – краеугольный камень современной философии дискурса. В одном из своих эссе на темы этики Умберто Эко утверждает, что «этический подход начинается, когда на сцену приходит другой. Признание роли других, необходимость уважать те же их потребности, которые мы считаем неукоснительными для себя, – результат тысячелетнего развития» [Эко, 2002: 14]. Признание приоритета получателя сообщения породило в ряде риторических систем особое понимание этоса. Так, представители Льежской группы «Мю» определяют этос как «аффективное состояние получателя, которое возникает у него в результате воздействия на него какого-либо сообщения, и специфические особенности которого варьируют в зависимости от нескольких параметров. Среди этих параметров важное место должно быть отведено самому получателю сообщения» [Дюбуа, 1986: 264]. С аудиторией связывается этос и в риторической теории Ю. В. Рождественского: «этосом принято называть те условия, которые получатель речи предлагает ее создателю» [Рождественский, 1999: 69].

Признание роли «другого» отнюдь не предполагает умаление значения создателя текста, оратора. Речь идет скорее о сложном взаимодействии оратора и аудитории, индивидуума и социума, личности и культуры, которое рассматривается многими современными авторами как важное условие порождения этоса.

Очевидно, что современное понимание этоса отражает некоторые общие тенденции в развитии философской мысли и гумани-

тарного знания в XX веке. Целый ряд выдающихся мыслителей выдвинули идею о том, что человеческое общение, диалог как естественная потребность человека является единственным способом преодоления цивилизационных и культурных кризисов современного общества. Так, М. Бубер считал, что ни индивидуализм, ни коллективизм не способны противостоять кризису, вызванному овеществлением социальных связей и отчуждением людей. Его «диалогический персонализм» основывался на признании диалогической природы бытия и на философии межличностных отношений. Выход из кризиса он видел в диалоге человека с человеком, человека с богом и окружающим миром. «Это возможно там, где отношения между человеческими личностями локализованы не во внутренней жизни индивидов (как это обычно бывает) и не в объемлющем и определяющем их мире всеобщего, но, по сути дела, между ними. «Между» не вспомогательная конструкция, но истинное место и носитель общественного события» [Бубер, 1995: 192–193]. Значение человеческого общения как способа сопротивления ценностям массового общества отмечалось и в работах немецкого философа Г. Маркузе. Он связывал возможности изменения общества «одномерных людей» с развитием искусства и межличностных отношений, помогающих сохранить человеческий масштаб вещей и человеческие ценности в массовом технократическом обществе. О. Розеншток-Хюсси также подчеркивает особую роль межличностного общения как основы человеческого бытия, уделяя особое внимание его речевому воплощению. «Речь — это вид межличностной коммуникации. Каждый представитель рода человеческого гордится своей способностью передавать сообщения. Те, кто действительно заинтересован в общении, верят, что совместное овладение истиной, понимание и соглашение может быть между ними достигнуто, и нужно постараться его установить» [Розеншток-Хюсси, 1994: 49]. К числу наиболее известных концепций, постулирующих основополагающий характер диалога, относится учение М. М. Бахтина, оказавшее огромное влияние на современную философию и науку о языке.

Наличие этической и психологической взаимозависимости между автором и читателем, говорящим и слушающим является признанным фактом в современной философии (экзистенциализм, персонализм, О. Розеншток-Хюсси, М. Бубер, А. Пятигорский, М. Фуко), риторике и литературоведении (М. Бахтин, Ю. Лотман, К. Берк), дискурс-анализе (М. Пеше, Ж. Отье-Ревю), герменевтике (Х.-Г. Гадамер, А. А. Брудный). «Другой, взгляд другого определяет и формирует нас. Мы (как не в состоянии существовать без питания и сна) не способны осознать, кто мы та-

кие, без взгляда и ответа других» [Эко, 2002: 15]. Характерно, что исследователи не ограничиваются признанием лишь внешних, коммуникативных проявлений этого взаимодействия, но стремятся выявить глубинные механизмы, лежащие в его основе. «В процессе общения человек приучается смотреть на себя глазами другого человека. Ведь если я выражаю свои мысли, я заинтересован в том, чтобы другой человек, мой собеседник их правильно понял. И я невольно прислушиваюсь к своим словам, а если это постоянный собеседник, то приучаюсь смотреть на себя его глазами. Постепенно мой внутренний мир становится как бы населенным другими людьми» [Брудный, 1998: 89].

Важно подчеркнуть, что в публичной речи присутствуют сигналы как личной, так и коллективной обращенности, так как ее адресатом является совокупность индивидуумов, объединенных в аудиторию, а Другой имеет не индивидуальную, а коллективную идентичность. В более широком смысле этот коллектив людей является выразителем норм и ценностей определенной человеческой общности. Как отмечал Ю. М. Лотман, «в риторике отражается универсальный принцип как индивидуального, так и коллективного сознания (культуры)» [Лотман, 1995: 103].

Это высказывание дает ключ к пониманию этоса публичной речи. Представляется, что его можно рассматривать в двух взаимодополняющих ракурсах, узком и широком. В узком смысле он детерминирован конкретной ситуацией общения, в которой оратор осуществляет риторическую деятельность. В широком смысле этос есть отражение общественного уклада и культуры.

Итак, в широком смысле этос можно определить как совокупность социо-культурных и этических норм и ценностей в рамках определенного общественно-исторического уклада, отраженных в языке. В узком смысле под этосом понимаются социо-культурные факторы, определяющие характер взаимодействия участников конкретного риторического дискурса.

По существу, через сферу этоса реализуется взаимовлияние общества и риторики: с одной стороны, нормы этоса определяют содержание и стиль дискурса, с другой стороны, риторическая деятельность способна изменять и формировать этос. «Влияние речи на общественный прогресс определяется тем, как в данном обществе выстроены правила этоса, т.е. моральные и нравственные правила, административные установления и законы, регулирующие речь, а также тем, каков стиль этого общества» [Рождественский, 1995: 9].

Историческая и социальная обусловленность этоса и его связь с «фактурой» речи подробно рассматривается в риторической те-

ории Ю. В. Рождественского. Проанализировав изменения норм этоса на различных этапах развития цивилизации, он устанавливает некоторые закономерности и формулирует законы этоса. Наиболее важным представляется закон, который показывает, что «речевой этос обладает свойствами культуры. Нормы этоса подчиняются общим законам культуры, по которым новое не уничтожает старое, но лежит на нем и развивает старое применительно к новым условиям» [Рождественский, 1999: 387]. Кроме того, Ю. В. Рождественский выдвигает гипотезу о принципах развития речевого этоса: развитие речевого этоса подчиняется не только субъективной воле людей, но и внутренним, объективным социальным закономерностям [там же: 403]. Данная концепция подтверждает выдвинутое нами положение о том, что этос можно рассматривать, с одной стороны, как порождение «воли конкретных речедейателей», а, с другой стороны, как нормы, складывающиеся под влиянием общественных условий.

Характерно, что не только изучение отражения этоса в словесности, но и формирование этоса может рассматриваться как одна из задач риторики. По мнению А. К. Авеличева, «порождение этоса – это и есть конечная цель и основная задача риторики» [Авеличев, 1986: 26].

Подчеркивая общественную значимость этоса, западные исследователи обращают внимание на то, что в век изоляции и фрагментации, этос речи способен выполнять функции объединения людей при условии, что говорящий готов открыть свой внутренний мир другим (S. Michael, Th.Sloane). «В основе современного дискурса лежит необходимость сделать свой мир открытым для других, в нем одновременно присутствуют «я» и «другие». Такая модель превращает этос в сотрудничество, при котором аудитория приобретает статус равноправного участника, приоритет отдается этической самореализации и коммуникации, а не воздействию, и интересы аудитории ставятся выше интересов оратора» [Sloane, 2001: 271]

Двойственность этоса, т.е. его одновременная соотнесенность с общественными условиями порождения и восприятия речи и реальным взаимодействием участников коммуникации, находит свое выражение в том, что этос в его широком понимании определяет этос конкретного риторического дискурса. Эта идея прослеживается и в приведенном выше высказывании. Установка на сотрудничество, диалог, взаимопонимание как отражение социально одобряемых этических норм реализуется в том, что в конкретном публичном выступлении оратор уделяет особое внимание интересам и потребностям аудитории в рамках «узкого»

этоса, диктуемого непосредственной ситуацией общения, предметом выступления, составом аудитории.

Таким образом, нормы этоса определяют характер риторической деятельности и находят свое выражение в ее продукте – тексте публичной речи. Влияние этоса на язык риторического произведения реализуется через принципы уместности и целесообразности речи.

В античной риторике уместность (*decorum*) считалась одним из главных достоинств речи. Подчеркивалось, что успех речи принципиально зависит от того, насколько ее язык соответствует предмету речи, аудитории, случаю. Аристотель, например, уделял особое внимание уместности выбора лексики, указывая, что язык публичной речи должен, с одной стороны, выражать эмоции оратора, а с другой стороны, соответствовать предмету речи. Широко цитируется высказывание Цицерона, отмечавшего, что самое трудное в речи – это понять, что уместно в каком случае, и что принцип уместности следует соблюдать как по отношению к предмету, о котором идет речь, так и по отношению к личности говорящего и слушающего.

В средние века понимание уместности основывалось на жестком кодексе социально приемлемого поведения (в том числе и речевого) для представителей различных классов и социальных групп. Строго регламентировались правила речевого поведения для придворных, буржуазии, священников, простолюдинов.

В современном понимании уместность связывается, прежде всего, с оптимизацией влиятельности публичной речи путем регуляции взаимодействия между оратором и аудиторией. При этом особое внимание уделяется «фактору аудитории», поскольку именно аудитория считается мерилем эффективности коммуникации. По мнению К. Берка, «человека можно убедить лишь в том случае, когда ты умеешь говорить на его языке и с помощью речи, жеста, интонации, порядка изложения, образов, отношений, идей идентифицируешь свой стиль с его стилем» [Burke, 1950: 55].

Главенствующую роль аудитории в определении уместности речи подчеркивал и Ю. В. Рождественский. Определяя этос как условия, предлагаемые аудиторией, он отмечал, что «эти условия касаются времени, места, сроков ведения речи, и этим определяется часть содержания речи, по крайней мере, ее тема, которую получатель речи может считать уместной или неуместной. Неуместную речь получатель речи вправе отклонить [Рождественский, 1999: 70].

Уместность речи – это связующее звено между этосом и риторическим произведением, поскольку оратор определяет умест-